

АЛЕКСАНДР РУЖ

Изумрудная скрижаль

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ БЛИСТАТЕЛЬНАЯ И НЕПОДРАЖАЕМАЯ
АНИТА МОРРЬЕНТЕС!

Александр Руж
Изумрудная скрижаль
Серия «Анита Моррентес», книга 3
Серия «Колоритный детектив»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63967956
Изумрудная скрижаль: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-118898-6

Аннотация

Середина XIX века. Отважные русские путешественники, супруги Анита и Алекс Максимовы, волей случая оказываются в древнем замке легендарного Влада Цепеша в очень странном обществе: карлик-горбун, синелицкий старик, женщина, с головы до ног покрытая волчьей шерстью, девушка, которая как огня боится воды... Кто они – гости последнего графа из рода Дракулешти или его узники и жертвы? Что им готовит хозяин замка – смерть или возрождение? Удастся ли Аните и Алексу покинуть замок и спастись от уготованной им участи?

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Сердце Трансильвании	13
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Руж

Изумрудная скрижаль

© Руж А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Засушливое в том году выдалось лето. С конца мая, когда сошли весенние воды, установился пекельный зной, и поджаривал он Трансильванию уже третий месяц. За все это время на землю пролилось два чахлых дождичка, которым не под силу было смочить растрескавшуюся почву – влага ушла сквозь щели на глубину, нимало не задержавшись. Всходы на огородах и полях безнадежно повяли, листья на яблонях и грушах обвисли и мотылялись на обжигающем ветру.

Изнывал и лес. Обезвоженная трава хрустко шуршала, ручьи и болота пересохли, зверье попряталось в дебри, подальше от солнечных лучей.

Двое крестьян шли через большую поляну, торопясь поскорее очутиться под спасительной сенью деревьев. Из одежды на обоих были только домотканые портки, голая кожа лоснилась от пота.

– По такой жаре одно хорошо – ни комаров нет, ни мошки, – сказал один из крестьян, проводя по губам распухшим языком. – Растелешись в свое удовольствие и ходи.

– По мне, лучше мошка, чем эдакая парилка, – отозвался второй.

Вокруг пояса у него была обмотана конопляная веревка, какой обычно перевязывают охапки хвороста. Но крестьяне пришли в лес не за топливом. У одного через плечо был пе-

рекинут сыромятный ремень, на котором висел допотопный фитильный мушкет, а второй держал в руке обрез – старую драгунскую фузею со спиленным стволом.

– Никого мы тут не сыщем, Мирча, – вздохнул тот, что был с мушкетом. – Всякая тварь нынче в холодок тянется. Это в чашобу надо лезть, а уж вечер скоро, да и воды у нас с гулькин нос.

Он вынул из широченного кармана портков деревянную флягу, взболтнул, и она отозвалась жалким плеском.

Дошли до края поляны и в изнеможении опустились на жухлый пырей, привалившись спинами к стволу дуба-великана. Мирча взял из рук спутника флягу, глотнул.

– Ничего, Никола, – молвил ободряюще. – Без добычи не вернемся. Я кабаньих след видел.

– Где?

Мирча махнул рукой на запад:

– Вон туда он побег. По копытам судя, здоровенный! Такого завалим – на целый месяц пропитание будет.

Никола сощурился на катившееся к закату солнце, которое вот-вот должно было коснуться видневшихся на горизонте Карпатских вершин.

– Там речка, водопой, – вел дальше Мирча. – Она с гор течет, чай, не пересохла. Возле нее и зверье обретается. Настреляем вдоволь, заодно водицей на обратную дорогу запасаемся.

Никола боязливо поджал плечи.

– Не пойду я туда. Тем более на ночь глядя... Там стрigoй живет. Тот, что из честных христиан кровь выпивает...

Мирча расхохотался.

– Бабьих сказок наслушался? Нет никакого стрigoя. Графский замок стоял, да и тот, бают, развалился...

– А вот и нет! И замок целехонький, и хозяин его объявился. Я сам видел. Черный, как смерть. Лица нет, лоб белый, зенки пламенем полыхают... Как есть чертов прислужник!

– Слышал я про него. Говорят, наследник Дешей... из дальних краев прикатил на семейное гнездышко глянуть. Побудет малость и уедет. Что ему у нас делать? А про пламень и все прочее – не верю. Старухи с перепугу напридумывали.

Уверенная речь приятеля слегка успокоила Николу. Но идти к «замку стрigoя» он все ж таки побаивался.

– А ежели он нас увидит? Осерчает... Как-никак в его лесах животину бьем.

– К замку мы не пойдем, это далеко. Я и не знаю, где он. Дед мой знал, да не рассказывал. А в случае чего ружьишки в кусты покидаем, скажем, что за валежником пришли, заплутали...

Мирча пружинисто поднялся, подхватил свой обрез, флягу вернул товарищу.

– Вставай! А то и впрямь солнце зайдет.

Он углубился в заросли, Никола, кряхтя, последовал за ним. Предупредил:

– Осторожнее... Тут Мавкина елань поблизу. В ней столько народу по дуности перетопло. Раз ступишь, и уже не отпустит.

Мирча, не оглядываясь, отмахнулся.

– Усохла твоя елань! По ней теперь, как по большаку, ходить можно.

И точно – шли по гибельным местам, а под ногами не чавкало, только чуть проседал рыхлый ссохшийся торф, прошитый корнями болотных растений.

Лес становился все гуще, кроны переплетались, заслоняя небо. Но воздух был настолько раскален, что и этот шелестящий купол не давал прохлады. Изнуренный усталостью и жарой, Никола жалел уже, что поддался на уговоры напарника. Хотел окликнуть его, ушедшего шагов на десять вперед, но тот вдруг и сам остановился как вкопанный. Поднял раскрытую ладонь в упреждающем жесте. Никола подошел к нему и встал рядом, потянул с плеча мушкет.

– Кто там? – спросил еле слышно. – Люди?

– Нет. Косолапый!

Поодаль, где стелилась бурая гладь пересохшей топи, ворочался большущий зверь с косматой шерстью. Что-то вынюхивал, совал переднюю лапу в торф.

– Вот и добыча! – шепнул Мирча с азартом. – Заходи справа, а я слева...

Они стали подкрадываться к медведю, но тот учуял их, беспокойно вскинул круглую, как котел, голову, завертел ею,

зарычал.

– Пали! – крикнул Мирча и первым выстрелил из своего обреза.

Пуля оторвала медведю кончик уха. Владыка леса неистово взревел и попятился. Никола возился со своим мушкетом, высекал искру. Пока высек, пока приладился – медведь успел развернуться и дать деру. Грянувший с опозданием выстрел подстегнул его. Мирча, бранясь, перезарядил свой обрез, бахнул еще раз, но пуля до цели не долетела – медведь был уже далеко, а скоро его и след простыл.

– Ах ты ж, кикимора тебя задери! – Никола от души шмякнул мушкет оземь. – Какая охота с таким ружьем? Палку взять, и то надежнее будет.

Мирча к неудачам относился проще.

– Ушел и ушел, его счастье. А чего это он там копошился? Ну-ка...

Они подошли к тому месту, где минуту назад возился топтыгин, и увидели торчащую из земли человеческую руку.

– Свят-свят-свят! – побледнел Никола. – Это кто же?..

Рука была темная, будто вываляна в саже, пальцы скрючены. Мирча принялся подкапывать сыпучий торф прикладом обреза.

– Пойдем отсюда, а? – предложил Никола дрожащим голосом. – Не к добру этот мертвяк...

– Чего испугался? Сам же говорил: в этой елани, пока она с водой была, столько народу потонуло... Поглядим, вдруг

при нем что ценное найдется. Тогда и за кабаном идти незначем.

Довод подействовал, и Никола, преодолев оторопь, решился помочь спутнику. Вдвоем они выкопали вокруг мертвеца яму, выбрали из нее лишний грунт. Теперь утопленника можно было рассмотреть во всех подробностях. Был он совсем наг, ни единой тряпицы на теле, но самым диковинным оказалось не это. Жесткие курчавые волосы, вывороченные губы, приплюснутый нос, глянцевая чернота кожи...

– Мурин! – воскликнул Никола. – Такие в Африке живут...

– Это какая нечистая его в наши болота занесла? Не по грибы же за тридевять земель пустился. И где его одежда? Даже исподнего нету.

– Ограбили, – предположил Никола и пугливо заозирался. – Слыхал? В соседнем жудеце разбойные люди объявились. В двух деревнях скот угнали, пастуху голову отрезали, а еще один хутор сожгли начисто. А тут негус богатый... в одиночку странствует. Напали, раздели, пожитки отобрали, а самого – в болото.

– До соседнего жудеца двое суток ходу. Не стали бы они к нам соваться, у нас в деревнях одни нищие. Да и этот, – Мирча кивнул на труп, который лежал в яме, вытянув вверх закованную руку, – на богатого не похож. Гляди, тощий какой, кожа да кости.

Никола встал возле ямы на колени, вперился в покойника.

Последний и вправду был невообразимо худ: ввалившиеся щеки, выпирающие ребра.

– Мирча... – голос Николы сделался сиплым, – а ведь ты верно подметил: кожа да кости... *Выпили* его!

– Как это выпили? Что ты мелешь, дурень?

– Ты слепой? У него жилы отворены и крови нет. Стригой всю до капли высосал! Говорил я тебе, не надо сюда ходить...

Мирча с сомнением пригляделся к маленьким продолговатым ранкам на локтевых сгибах мертвеца.

– Не зубами это.

– А тебе откуда знать, какие у стригоя зубы? Он тебя хоть раз кусал?

– Типун тебе! – Мирча, которого тоже начал пробирать страх, сунул под нос товарищу заскорузлый кулак. – Посо-би-ка лучше. На пузо его перевернем.

– Для чего?

– А ну как под ним что-нибудь есть?

– Что под ним может быть? Клад?

– Не знаю. Помоги!

– И не подумаю! Коли приспичило, сам его и тягай.

Здоровяк Мирча нагнулся над ямой и, поднатужившись, перевернул твердое, будто из гипса, тело со спины сначала на бок, а потом на живот. Клада не обнаружилось, зато под коленями трупа Мирча увидел такие же точно ранки, как и на руках.

– Чудно, – констатировал он и поводит по сторонам дулом

обреза, опасаясь, что за кустами, примыкающими к болоту, затаились опасные противники. – Кто таков этот мурин? Кто его убил? Как? За что?

– Не нашего ума дело, – сказал Никола, встал и отряхнул портки от налипшей торфяной крошки. – Мыслю я, надо поскорее отсель убираться.

Мирча на этот раз не возражал. Расхотелось ему идти к реке и выслеживать кабана.

– Лешак с ней, с охотой, пошли домой. А то и правда не ровен час...

Они наспех засыпали обескровленного негуса торфом, взяли на изготовку свое оружие и тихо-тихо, прислушиваясь к каждому звуку, покинули нехорошее место.

Глава первая. Сердце Трансильвании

Явление черного человека. – Молчаливый горбун. – Анита при смерти. – Честь Вероники подвергается опасности. – Слуга, которому позволено многое. – Максимов требует сатисфакции. – Двенадцать золотых игл. – Граф Ингерас. – Успеть за полчаса. – Когда враг становится союзником. – Проблеск надежды. – Поездка по пересеченной местности. – Замок в прикарпатском лесу. – Происшествие у колодца. – Пришелец с Луны. – Странная кухарка. – Редкий случай, когда Максимов испытывает страх.

Стояла поздняя промозглая осень. Темные тучи, плотные, как юфть, заволакивали небо. Малоприметная деревенька, расположенная на расстоянии полутора конных перегонов от города Шессбурга, часто именовавшегося по-здешнему Сигишоарой, утопала в грязи. Дождь лил непрерывно уже двое суток и превратил дорогу, связывающую деревню с городом, в перепрелую вязкую кашу.

По этой-то каше медленно и тяжело двигалась абсолютно черная, без малейшего светлого пятна и без единого опознавательного знака, карета. Две такие же черные лошади, могучие, с мохнатыми ногами, натужно волокли ее по вязкому

месиву. Колеса зарывались в топкую глину почти целиком, и если б появился откуда-нибудь сторонний наблюдатель, которому вздумалось столбенеть на обочине меж нахохленных буков и можжевеловых кустов, ему могло бы показаться, что карета не едет, а плывет, скользя днищем по мутной зыби.

На козлах притулился человек ростом не выше четырех с половиной футов, словно бы вырубленный мастером-неумехой из корявого узловатого комля. Непомерных размеров квадратная голова сидела прямо на плечах, без видимых признаков шеи. Грубо очерченные плечи переходили в длинные и, надо полагать, налитые немалой силой руки, сжимавшие вожжи. В дополнение ко всему человек имел горб, превращавший и без того уродливую фигуру в бесформенный ком плоти. Возница по-звериному скалил воскового цвета зубы и издавал резкие носовые звуки – что-то вроде «ум-м! ум-м!». На лошадей они производили такое впечатление, что эти с виду бесстрастные животные всякий раз вздрагивали, как от удара бичом.

Въехав в деревню, карета с чавканьем доползла до покосившегося трактира, и здесь горбатый возница натянул поводья. Лошади послушно стали. Горбун с живостью, которая никак не гармонировала с его несуразным телосложением, соскочил на землю, подошел к карете сбоку и распахнул дверцу. Из недр черного куба явился высокий и худой, точно оглобля, субъект. Он также был облачен во все черное: черный плащ с полами ниже колен, черные брюки, черные бо-

тинки, черные перчатки и черный цилиндр на голове. Единственным, что контрастировало с этой густой чернотой, было его лицо – неестественно белое, какое бывает у паяцев, обильно пользующихся пудрой. Впрочем, черный незнакомец, едва сойдя с подножки, поспешил прикрыть нижнюю часть своей физиономии толстым шерстяным шарфом. На виду остались только длинный, по-ястребиному загнутый нос и глаза – острые, пронизывающие, с желтизной.

Не обменявшись ни словом, приезжие вошли в трактир. К ним тут же подскочил хозяин – вертлявый бородач с воровским прищуром.

– Чего желаете, ваша ми... – начал он по-валашски и осекся, глядя на черного незнакомца.

– Лучшую комнату, – отрывисто произнес посетитель на том же наречии, не отнимая шарфа от бледных щек.

Хозяин замялся:

– Лучшая занята...

– Занята? Кем?

– Какие-то русские. Трое... Господин с госпожой и служанка. Если ваша милость изволит, в деревне можно снять дом. Я знаю надежного человека, у него чисто... он и возьмет недорого.

– Что ты врешь! – сердито прервал его черный человек. – Я знаю вашу дыру, здесь негде остановиться, кроме твоего трактира. Почему бы этим русским не уступить мне? Я заплачу втрое.

– Никак невозможно, ваша милость, – забормотал хозяин. – Я бы и сам хотел, чтобы они убрались отсюда, но...

– Но что?

– У госпожи холера, наш лекарь сказал, что она и двух дней не протянет.

– Тем более. Зачем ей комната? Она наверняка без сознания, ей все равно, где умирать.

– Я тоже так думаю, ваша милость, но ее муж... Он пригрозил, что застрелит любого, кто сунется к ним.

По всему было ясно, что хозяин знает визитера, боится его и предпочел бы соседство с холерной больной, чем с этим белолицым черноризцем.

Горбатый кучер стоял на полшага позади своего спутника, безмолвствовал, однако смотрел на владельца трактира с такой испепеляющей ненавистью, будто перед ним был смертельный враг. Затянувшиеся препирательства горбуну явно не нравились.

– Так что, ваша милость, у меня вам будет опасно, – продолжал частить трактирщик. – Заразитесь, а то и под пулю попасть можно... Езжайте подобру-поздорову, мой вам совет.

– Мне не нужны твои советы! – отрезал черный, кратко переглянувшись с горбуном. – Мы останемся. На улице потоп – не проехать. Вели распрячь лошадей и поставить их в конюшню. А нам подай ужин, да поживее!

И оба приезжих сели за дощатый стол, над которым висела

масляная лампа.

– Слушаю, ваша милость, – упавшим голосом молвил трактирщик и отправился выполнять отданные ему распоряжения.

Покуда длился приведенный выше диалог, в трактирном флигельке умирала та самая госпожа, о которой только что поведал хозяин этого заведения. Холера настигла ее внезапно и свалила в дороге, когда супружеская чета возвращалась из заграничного путешествия в пределы Российской империи. Муж больной – военный инженер Алексей Максимов, с некоторых пор пребывавший в отставке, – сидел подле кровати и вглядывался в лицо своей несчастной Аниты. Ее некогда смуглая кожа побелела и могла теперь соперничать цветом с кожей странного приезжего, что толковал внизу с хозяином. Максимов слышал, как подкатила к дому карета, но к окну подходить не стал. Подошла любопытная Вероника – служанка. Она видела вышедших из кареты людей, обратила внимание и на горб кучера, и на лицо незнакомца, которое сквозь заляпанное оконное стекло представилось ей не более чем белым пятном. Но Максиму было все равно, кто и зачем приехал. Он думал только об Аните, и мысли его были безотрадны.

Она уже трое суток ничего не ела, а со вчера не приходила в чувство. Дышала хрипло и с такой надсадой, что казалось, на груди ее лежит неподъемная каменная глыба. Мак-

симов отчаянно цеплялся за надежду, однако разум настойчиво подсказывал ему, что дни его милой Аниты сочтены. Это было чудовищно, глупо, несправедливо... но он ничего не мог поделать.

– Поели б сами чего-нибудь, Лексей Петрович, – жалостливо проговорила Вероника, отойдя от окна. – Исхудали-то вон как...

– Не хочу, – отозвался Максимов. – Сходи лучше вниз, спроси бутылку вина. В горле пересохло.

Вероника скорбно покачала головой и, тихо ступая, вышла из комнаты. Повисла гробовая тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием умирающей. Максимов обхватил руками голову, его душили рыдания. При служанке он еще старался сдерживаться, но сейчас горе рвалось наружу, и он готов был расплакаться, как малолетний ребенок.

Неожиданно из-за двери донесся сдавленный женский крик. Максимов вскинул голову, инстинктивно схватил со столика заряженный револьвер «Кольт Патерсон», который после стычки с хозяином трактира всегда держал под рукой.

Крик повторился, уже более звонко. Сомнений не оставалось: кричала Вероника.

Максимов с револьвером в руке выметнулся из комнаты. Сразу же увидел на лестнице, ведущей вниз, в зальчик, где стояли столы для трапезы, Веронику, а возле нее – отвратительного на вид горбуна с огромной головой и длинными руками. Этими руками он обвивал Веронику поперек тулови-

ща и прижимал к себе с такой силой, что у бедняжки, наверное, трещали ребра. Вероника ревела благим матом и колошматила охальника кулачками по сплюснутой макушке, но тот только жмурился от удовольствия, как сытый кот.

Максимов, не раздумывая, подскочил к ним и хватил мерзавца рукояткой револьвера по башке. Горбун разжал руки, отпустил Веронику, но не упал. Максимова это изумило, ибо удар был такой силы, что оглушил бы кого угодно. Вероника, не прекращая голосить, нырнула за спину своего заступника. Горбун смерил его оценивающим взглядом.

Неизвестно, чем завершилось бы это противостояние, если бы на лестнице не показался черный незнакомец. Он поднялся на несколько скрипучих ступенек и положил горбуну руку на плечо.

– Pardon, monsieur, – произнес он на безупречном французском, обращаясь к Максиму. – Что здесь произошло?

Максимов зло качнул стволом «Патерсона» в сторону горбуна:

– Это ваш слуга?

– Да. Его зовут Йонуц. А в чем дело?

Голос у черного человека был совершенно бесстрастный.

– Он напал на мою горничную.

– Подол задирал! – пожаловалась Вероника по-русски, догадавшись, о чем идет речь. – В пазуху лез, окаянный... А потом ухватил вот эдак и давай в меня губищами тыкаться... тьфу!

– Ступай к барыне, – велел ей Максимов.

Вероника удалилась немедленно. Общество несостоявшегося насильника пугало ее.

Максимов ожидал, что черный человек отчитает своего лакея, а то и врежет ему хорошенько по уху, но ничего подобного не случилось. Черный похлопал горбуна по плечу, прошептал ему несколько слов, которые Максимов не разобрал, и тот преспокойно затопал вниз.

Внутри у Максимова все вскипело от гнева.

– И вы не собираетесь его наказать? – процедил он.

– Ни в коем случае, – последовал хладнокровный ответ. – Ионуц – преданный слуга, и я слишком дорожу им, чтобы оскорблять без повода.

– Без повода?!

– Я уверен, что у него не было дурных намерений. Позаигрывал немного с вашей служанкой – что тут такого?

– Вот что, милостивый государь, – прошипел Максимов, будучи не в силах сносить этот издевательски-равнодушный тон, – если вы не желаете, чтобы ответил ваш слуга, ответите сами!

– Вы серьезно? – спросил бледнолицый, ничуть не испугавшись. – Тогда пожалуйста за мной.

Он смело повернулся спиной к револьверу и, сойдя с лестницы, приблизился к столу, на котором уже стояли тарелки с наваристой чорбой и фаршированными баклажанами и откупоренная бутылка фетяски.

Максимову ничего не оставалось, как последовать за ним. Револьвер он убрал, решив для начала по-джентльменски выслушать своего противника.

В трапезной не было больше никого: горбатый исчез, а трактирщик, который должен был услышать шум потасовки, счел, очевидно, за благо ни во что не вмешиваться.

– Итак, вы твердо намерены расквитаться со мной за проступок моего слуги? – спросил черный, садясь за стол. – И вы уверены, что вам удастся это сделать?

– Полагаю, у меня есть некоторый опыт, – ледяным голосом отвечивал Максимов и сел напротив.

– Быть может, прежде мы устроим небольшое испытание? Оценим, так сказать, возможности друг друга.

Неспешно ведя беседу, словно она касалась отвлеченных и незначительных тем, незнакомец буравил русского своими узкими зрачками. Нижняя часть его лица все так же оставалась прикрытой шарфом. Максимова это откровенно бесило.

– Послушайте... Как ваше имя? Прежде чем вас убить, я должен это узнать. И откройте наконец лицо!

– Лица я не открою, – выдохнул черный человек сквозь вязаную ткань шарфа, – а имя мое... – Тут он сделал паузу. – Можете называть меня графом Ингерасом. И заметьте, что *ваше имя* меня несколько не интересует.

Максимов был уязвлен новой уничижительной отповедью и тем не менее счел нужным представиться, дабы соблюсти

правила этикета. Ингерас, или кто бы он там ни был, извлек из кармана своего плаща маленькую плоскую коробочку полированного дерева, поставил ее на стол и откинул крышку. На дне коробочки, в бархатных желобках, лежали двенадцать золотых игл.

– Набор для иглоукалывания? – удивился Максимов. – Вы, стало быть, врач?

– В некоторой степени, – уклонился Ингерас от прямого ответа и, вынув из коробочки две иглы, положил их на стол. – Вот вам оружие, сударь. Посмотрим, насколько ловко вы с ним управитесь.

– Вы смеетесь?

– Я берусь доказать, что вы не в состоянии пристрелить меня, поскольку в таком деле важна быстрота реакции. Я увернусь от вашей пули, даже если вы будете стрелять в упор.

– А вы самонадеянны! – хмыкнул Максимов. – Я занимался боксом, так что реакция у меня отменная.

– Тогда посрамите меня! – Граф сдвинул на край стола тарелки и бутылку и положил две золотых иглы между собой и противником. – Как только этот сосуд упадет на пол, хватайте иглу, что лежит ближе к вам, и втыкайте ее мне в руку. У меня будет точно такой же шанс.

Тут Максимов заметил, что небрежное движение графа, каким он убрал мешавшие предметы, имело на самом деле точный расчет. Бутылка с белой фетяской стояла на самом краю столешницы и подрагивала, готовая вот-вот рухнуть.

– Идет! – сказал Максимов и шлепнул левую руку ладонью на стол. – Кто быстрее!

Ингерас сделал то же самое. Стол чуть шатнулся, и бутылка свалилась с него. Раздался треск бьющегося стекла, Максимов правой рукой уцепил предназначенное ему орудие (это оказалось не так просто сделать, так как игла была чрезвычайно тонкой), но тотчас ощутил боль в левом запястье. Это граф неуловимым движением схватил свою иглу и нанес точный удар.

– Черт! – пробормотал Максимов, уставясь на каплю крови, выступившую из прокола. – Как вам это удалось? Да еще в перчатках...

– Я вас убедил? – Граф аккуратно уложил иглы обратно в коробочку, захлопнул крышку и вынул из кармана увесистый хронометр, судя по маркировке, изготовленный в Женеве. – А теперь у нас есть примерно полчаса на то, чтобы поговорить.

– Почему полчаса?

– Потому, дорогой вы мой, что эти иглы обработаны составом, выделенным мною из семян рвотного ореха. Это такое тропическое дерево, оно растет в Южной Азии... Чрезвычайно токсично.

Вы меня отравили? – спросил Максимов.

Еще несколько дней назад он бы вцепился этому демону в глотку, припечатал белой физиономией об стол... словом, проявил бы вполне естественные в данном случае эмоции, но

сейчас, зная, что отрада всей его жизни – его любимая Нелли – уже практически потеряна, он обрадовался перспективе умереть от чужой руки. Никакого греха, еще и в мученики запишут.

– Да, я вас отравил, – признался коварный граф без тени раскаяния. – И если вам есть что рассказать перед смертью – расскажите.

Меньше всего Максимову хотелось откровенничать перед таким вот исповедником, но выбора не было.

– Хорошо, – произнес он. – Вы меня перехитрили, но это не имеет значения. Хотите напоследок послушать мою печальную историю – слушайте...

Анита металась на продавленной, мокрой от пота подушке. Лоб горел, из полуоткрытого рта с обметанными лихорадкой сухими губами вырывались неразборчивые звуки. Сердобольная Вероника пускала слезу и поминутно меняла влажные тряпки на голове своей госпожи.

– Что ж это такое, Анна Сергевна! – причитала она. – Всегда здоровенькие были, а тут... Бедный Лексей Петрович!

Вдруг Анита, будто вытолкнутая кем-то из липкого морочного забытья, вскинулась, приподнялась на кровати, открыла глаза и обвела комнату воспаленным взором.

– Где он? – прошептала она почти без голоса. – Где Алекс?

– Они туточки! – подскочила Вероника, обрадованная тем, что барыня пришла в себя. – Внизу... Я сейчас кликну!

Она ринулась к двери, но та распахнулась ей навстречу, и в комнату вошел Алекс. За ним на длинных, как у аиста, ногах вышагивал некто незнакомый. Анита едва ли успела как следует разглядеть вошедших – глаза ее закатились, она упала на постель и вновь погрузилась в забытие. Вероника замерла возле кровати. Она смотрела не на барыню и не на барина, а на страшного человека, которого тот привел с собой. Граф был похож на мумию, закутанную в черный саван.

– Вот она, – тихо сказал Максимов, указывая на Аниту. И добавил еще тише, чтобы не расслышала служанка: – Если вы отбираете мою жизнь, то, быть может, взамен спасете другую?

– Чтобы не нарушать равновесия? – усмехнулся граф, подошел к больной, всмотрелся в ее лицо, пощупал исхудавшую руку, приподнял веко. – Да... положение серьезное.

– Спасения нет?

– Я так не сказал. Прикажите своей горничной принести мой саквояж. Он в карете.

Максимов передал просьбу графа Веронике. Та замахала руками:

– Не пойду! Там этот идол поганый, а ну как опять привяжется? Боюсь я его, Лексей Петрович!

– Он тебя не тронет, – пообещал Максимов и сунул ей в руку «Патерсон». – Если что – стреляй прямо в сердце.

Вероника опасливо взяла револьвер, сунула под юбки и вышла. Глаза графа, наблюдавшего эту сцену, смеялись.

Пока Вероника отсутствовала, он еще раз осмотрел Аниту, на этот раз подробнее. Максимуму было неприятно видеть, как паучьи лапы Ингераса, с которых тот так и не снял перчаток, прикасаются к телу Нелли. Но он промолчал.

– Ваша жена – нерусская? – спросил граф. – У нее черты лица, характерные для западноевропейских или латиноамериканских народов.

– Она испанка. Это важно?

– Я пришел к выводу, что у представителей разных наций одни и те же болезни могут протекать по-разному. Так что любая деталь может нам пригодиться...

Когда Вероника принесла саквояж, граф вынул оттуда острый как бритва ланцет, полюбовался его лезвием и снова наклонился над бесчувственной Анитой. Максимов схватил его за локоть:

– Кровопускание? Вы же видите: она и так потеряла много сил... Это убьет ее немедленно!

– Кто говорит о кровопускании? – проворчал граф. – Я хочу исследовать ее кровь и выяснить, насколько запущена болезнь. Вон то блюдо чистое? Возьмите его.

Ингерас говорил уверенно, со знанием дела, и Максимов повиновался, хоть и не слышал никогда ни о каких исследованиях крови. Граф приподнял одеяло, которым была укрыта больная, высвободил ее правую ногу. Некоторое время разминал подошву, затем осторожно оттянул в сторону большой палец на ступне.

Максимов смотрел на лекаря с надеждой, Вероника – с ужасом, как на колдуна, совершающего что-то богопротивное.

– Подставляйте блюдце, – скомандовал граф. – У вас в России для этого прокалывают безымянный палец, но я придерживаюсь французской методики. В ногах давление крови выше, несколько капель мы наберем, а больше пока и не надо.

Максимов поднес посудину к кровати, Ингерас сделал крошечный надрез между пальцев Аниты, и в блюдце закапала темная жидкость. Когда набралась лужица объемом с наперсток, граф зажал ранку пальцем в перчатке, немного подержал, бережно опустил ступню на простыню и прикрыл одеялом. Анита во время этой процедуры не очнулась – она не ощущала боли.

– Вы слышали что-нибудь о работах Мальпиги? – поинтересовался граф, доставая из саквояжа микроскоп и прикручивая его к столу.

Нет, – честно ответил Максимов.

– А понятие «кровяные шарики», введенное Левенгуком, вам знакомо?

– Нет.

– Может, вам, по крайней мере, доводилось слышать о лейкоцитах, открытых Хьюсоном?

– Не доводилось.

– Я мог бы прочесть вам лекцию об анализе крови... кста-

ти, мне посчастливилось внести в этот процесс свою скромную лепту, усовершенствовать его... но не стану утомлять вас научными терминами.

Господин Ингерас отрегулировал микроскоп и задвинул под тубус блюдце с кровью Аниты. Приник глазом к окуляру, на несколько минут застыл – будто слился с прибором воедино. Максимов не дышал, Вероника тоже прочувствовала ответственность момента, глядела на графа уже не со страхом и отвращением, а как-то по-новому – как на волшебника, могущего сотворить чудо. Пусть даже этот волшебник практикует черную магию – главное, чтобы помогло.

Максимов мог видеть лишь глаза графа над шерстяной перевязью, и выражение этих глаз ему не нравилось. Они сделались удивленными, потом хищными, а под конец в них вообще промелькнуло нечто плотоядное.

– Что там? – не вытерпел Максимов. – Говорите же!

Граф перестал замечать окружающих. Увлеченный своим делом, он манипулировал на манер фокусника. Вот в его руках возникло откуда-то маленькое стеклышко, вот появилась трубочка, из которой он выдавил в кровь на блюдце немного пасты охристого цвета. Деревянной лопаточкой намазал получившуюся смесь на стеклышко, положил под микроскоп. Долго настраивал окуляр, рассматривал. Не удовольствовавшись проделанным, накапал в блюдце еще какого-то снадобья из темного флакона, вновь погрузился в разглядывание.

Наконец оторвался от окуляра и помассировал глаз кон-

чиками пальцев.

– Могу вас обрадовать, – промолвил он удовлетворенно. – Я берусь за лечение вашей супруги. Но, как вы понимаете, ничего обещать не могу.

– Плевать мне на ваши обещания! Сделайте что-нибудь!

Граф неторопливо убрал в саквояж микроскоп и ланцет. Содержимое блюда с тщательностью перелил в пробирку, закупорил пробкой и упрятал туда же. «Зачем это ему?» – подумал Максимов, но вслух ничего не сказал.

– Имейте в виду: лечить я ее буду своими методами, – безапелляционно объявил Ингерас. – Они отличаются от методов традиционной медицины, и современные доктора их вряд ли одобряют.

– К дьяволу современных докторов! – выпалил Максимов. – Если вы ее спасете, значит, ваши методы – самые правильные.

Граф подошел к окну и выглянул во двор. Снаружи уже смеркалось. Дождь прекратился, но свинцовые тучи не расходились.

– Задерживаться здесь нельзя. У вас есть экипаж? Нет? Ничего, доберемся на моем. Необходимо снести пациентку вниз и уложить в карету. Сейчас я позову Йонуца.

– Не надо! – поспешно возразил Максимов. – Я сам.

– Как хотите. Тогда жду вас внизу.

Граф двинулся к выходу, но Максимов остановил его:

– Ваше сиятельство...

– Что еще?

– Сколько времени на ваших часах?

Ингерас извлек свой хронометр, взглянул на стрелки.

– Четверть шестого. До моего замка – около двух часов езды, по скверной дороге будет дольше, но к ночи доберемся.

– Я не об этом. Судя по вашим часам, я уже десять минут как должен быть мертв.

Глаза Вероники полезли на лоб – она понятия не имела о состоявшейся в трапезном зале необычной дуэли. Человек в черном спрятал хронометр и проронил:

– Вы не умрете. Иглы совершенно безвредны, никакого яда в них не было. Я вас обманул.

– Для чего?!

– Я изучаю людей. Сказать человеку, что ему осталось жить полчаса, – мой любимый прием. Забавно наблюдать, как ведут себя те, кто это слышит... Девять человек из десяти бьются в истерике, проклинают меня и пытаются задушить. Последнее, как вы убедились, сделать не так-то легко... Но вы повели себя иначе и тем заинтересовали меня. Понимаете, здесь, в сердце Трансильвании, иногда бывает невыносимо скучно, а вы оказались неплохим собеседником. И ваша история меня тронула.

– Потому вы и согласились мне помочь?

– Поэтому тоже... – Граф больно сжал плечо Максимова своими костистыми пальцами. – Вы предложили свою жизнь в обмен на жизнь вашей жены. Такими словами не разбра-

сываются.

Установилось молчание. Вероника бочком подобралась к лежавшему грудой в углу господскому скарбу – она уже сообразила, что надобно собираться в дорогу. Граф легонько отпихнул Максимова от себя.

– Довольно болтать. Время дорого!

И вышел.

Оставив Веронику в комнате паковать вещи, Максимов спустился вниз, чтобы расплатиться с хозяином трактира. Тот сидел на кухне и выглядел изрядно напуганным. Максимов сунул ему несколько монет и знаками пояснил, что уезжает вместе с господином в черных одеждах. Был уверен, что трактирщик несказанно обрадуется – он ведь уже неоднократно намекал, что присутствие холерной больной наносит ущерб его заведению.

Однако болван, который целую неделю притворялся, будто не знает ни одного приличного языка, бегло зататорил на ломаном русском:

– Гашпадин жнай, ш кем ехай? Это граф Рэу, повашему «жлой»...

То, что трактирщик заговорил по-русски, Максимова не удивило. Валахия уже больше года находилась под объединенным протекторатом России и Турции, фактическое руководство краем осуществлял полномочный комиссар, присланный из свиты его величества императора Николая Пер-

вого, поэтому здешние обитатели стали быстро приспособиваться к новым реалиям.

– Что ты болтаешь? – нахмурился Максимов. – Какой Рэу?

– Гашпадин не жнай? О, у него многие имена! Это страшный! Как шатана... Ешли гашпадин – добрый христианин, гашпадин не ехай ш ним!

Нельзя сказать, что Максимов был в восторге от своего нового знакомого. Дело даже не в том, что граф Ингерас внушал ему страх своим видом – Максимов был не из робких, и подобный маскарад его не пугал. Куда больше ему не нравилось поведение графа. Менторский тон, барская снисходительность, дурацкий розыгрыш с якобы отравленными иглами – все это выводило из себя. Очень хотелось поставить зарвавшегося шута на место, показать ему, что он имеет дело с человеком как минимум равным себе. Однако Максимов изо всех сил сдерживался: он помнил, что Ингерас взялся лечить Аниту, и уже за одно это можно было стерпеть любые выходки.

Он с помощью безмолвного Йонуца закрепил свой багаж на крыше кареты. Переговаривались исключительно жестами. Йонуц, как объяснил граф, онемел еще в детстве, поэтому ждать от него членораздельных слов было бесполезно. Аниту закутали в одеяло и уложили на скамью, с ней села Вероника, пристроила голову госпожи у себя на коленях. Максимов уселся напротив. Сквозь одежду он ощущал холод, исходящий от сидящего бок о бок с ним графа, точно это был

не живой человек, а мраморная статуя. Впрочем, подобное ощущение могло быть плодом разыгравшейся фантазии.

Ехали не два часа и не три, а без малого пять. Максимуму мнилось, что не может быть на свете ничего хуже деревенской дороги, но, когда карета свернула в лес, они угодили в настоящую трясину. Лошади, уж на что крепкие, выбились из сил, выволакивая ноги из густого киселя. Раза четыре приходилось останавливаться, Йонуц спрыгивал с козел и, рыча по-медвежьи, подталкивал карету сзади. Если бы не чудовищная сила, таившаяся в его ручищах, нипочем бы не выбрались.

Граф Ингерас за весь путь не выговорил ни слова. Сидел себе, прямой и недвижимый, не сводил глаз с Аниты, которая что-то шептала в горячечном бреду. Один раз сквозь тучи проклюнулось заходящее солнце, и его оранжевый луч проник в окошко кареты, заскакал на лицах. И вот тут граф впервые проявил беспокойство. Верхняя половина его лица, не скрытая шарфом, сморщилась, как печеное яблоко. Он протянул длинную худую руку, надвинул на окно непроницаемую кожаную шторку и только тогда успокоился.

В карете стало темно, Максимов уже не видел своего соседа, но чувствовал, что тому атмосфера полного мрака нравится куда больше, чем свет, пусть даже не очень яркий.

Так доехали до места назначения. К тому времени наступила ночь, и, выйдя из кареты, Максимов различил над головой, в клочьях расплзшихся в стороны туч, лимонно-жел-

тую луну с небольшой щербинкой сбоку. Он думал, что граф Ингерас, увидев ее, снова забеспокоится, но непонятный черный человек не рассердился на луну за ее бледное сияние, а, наоборот, кивнул ей, как старой знакомой, и выражение его глаз смягчилось.

Карета стояла у ворот исполинского замка, громоздящегося на плоской вершине поросшей лесом горушки. Максимов обратил внимание на то, что к замку ведут несколько троп – и широких, и поуже. Все они терялись в густой чаще, и сказать с точностью, по какой из них приехала карета, было невозможно. Ему подумалось, что предусмотрительный граф зашторил окно не только из нелюбви к солнцу, а потому что желал скрыть от своих спутников дорогу.

Мерцания луны не хватило, чтобы рассмотреть замок во всем его величии. Максимов увидел только причудливое нагромождение башен. Одна из них, самая высокая, представляла собой параллелепипед со скошенной верхней гранью, из которой торчали дымовые трубы и что-то наподобие сторожевой вышки, откуда, надо полагать, хорошо просматривались окрестности. Другие башни были цилиндрической формы, с конусообразными крышами, очень вытянутыми и заостренными сверху так, что они напоминали колпаки сказочных гномов, даже чуть загибались книзу наподобие шляпных полей. Крыши были выкрашены в коричнево-рыжий цвет, а сами башни и соединявшие их стены с редкими неширокими оконцами – в молочный. К замку, как успел за-

метить Максимов, примыкал овальный прудик с тускло поблескивавшей водой. Вокруг торчали деревья, растопырив голые ветви. Под ногами мягко пружинила палая и уже сопревшая листва.

– Добро пожаловать в мое логово, – промолвил граф Ингерас со своей всегдашней скрытой иронией.

Максимов с осторожностью поднял на руки Аниту. Болезнь источила ее, она казалась легкой как пушинка. Вероника семенила рядом.

Йонуц отворил тяжелые ворота, и предводительствуемая графом процессия вошла во внутренний двор. Земля здесь была вымощена крупным камнем, а посередине виднелся колодец – круглая чаша с затейливыми барельефами (в полутьме трудно было разобрать, какими именно). Граф подошел к массивной двери, нетерпеливо громыхнул бронзовым кольцом с оскаленной львиной мордой. Дверь, как по мановению чародейского жезла, открылась, и путники прошествовали внутрь замка.

Ингерас не стал жаться и предложил своим гостям две великолепные комнаты на третьем этаже. Максимов щедрость оценил, но сказал, что они вполне обойдутся одной, тем более что состояние Аниты требовало безотлучного дежурства возле ее ложа.

– Я бы приставил к вам в помощь кого-нибудь из моих слуг, – сказал граф, – но они... – он замялся, – существа своеобразные. К ним надо привыкнуть.

К Йонуцу Максимов уже худо-бедно притерпелся, но не хотел бы иметь такого слугу рядом с собой. Отдав Веронике приказ распаковать вещи и достать все необходимое, он занялся растапливанием камина. Здесь, в каменном мешке, было стыло, и Анита, устроенная на гигантской кровати, бессознательно сжалась в комочек, не помогали и два стеганых одеяла, которыми ее укрыли.

Внутри замок напоминал классические образцы подобных сооружений из рыцарских романов. Кованые щиты с гербами на стенах, доспехи по углам, винтовые лестницы, колоссальных размеров люстры... От всего этого веяло средневековой романтикой, но Максимова сейчас занимали совсем другие мысли. Поскорее нагреть комнату, вскипятить воды, сделать для Аниты теплый компресс, поторопить графа с началом лечения. Ему казалось, что жизнь ее держится на тонюсенькой паутинке, которая вот-вот оборвется.

В комнате имелось все, что могло потребоваться для комфортного проживания: мебель, включая нужное количество кроватей, стульев и прочего, столы и столики, рукомойник, ночные вазы, покрытые глазурью, посуда, в том числе неподъемные кубки, из которых пивали, верно, еще во времена первых валашских господарей.

Замку было на вид лет четыреста, если не пятьсот. Понятно, что на протяжении веков он ветшал и его подновляли, так что стены были еще прочны, а деревянные элементы декора не выглядели прогнившими. Но в целом все оставалось

таким, каким было при первых его владельцах, – Максимов, например, не обнаружил никаких признаков наличия водопровода, который стал уже обычным явлением во многих городах Европы. То ли граф Ингерас не хотел пускать в свое обиталище рабочих, то ли не решался повреждать почтенное сооружение, пробивая в нем отверстия для труб, то ли вовсе не нуждался в благах цивилизации. Так или иначе, в замке господствовал старинный житейский уклад, и с этим следовало мириться.

– Воды мало, – сообщил Максимов Веронике. – Сходи во двор, набери.

Вероника с опаской покосилась на окно, за которым царила слегка разбавленная лунным блеском темнота, вспомнила о страшном горбуне, но, взглянув на пересохшие губы госпожи, взяла вместительный керамический кувшин и вышла.

Уже на лестнице обругала себя за то, что не захватила свечу. Вне жилых помещений света не было вообще, и идти приходилось на ощупь. Хотела было вернуться, но поняла, что второй раз уже не заставит себя покинуть комнату, где она чувствовала себя в относительной безопасности. Поэтому, шаря свободной рукой по стенам, а второй прижимая к себе кувшин, продолжила путь.

Вот и первый этаж. В тишине слышалось дзеньканье капель – под какую-то прореху была подставлена бадья из луженой немецкой жести. Вероника пересекла гулкую прихожую, сопоставимую по величине с любым дворцовым залом,

с усилием приоткрыла входную дверь и выскользнула наружу.

Во дворе было немногим светлее. Луна, как назло, скрылась за облаком, и ее сияние едва просачивалось через дымчатую пелену. Чертыхаясь и в то же время осеняя себя крестным знамением, Вероника приблизилась к колодцу. Поставила кувшин на каменные плиты, стала искать ведро. Оно стояло на краю колодезной чаши, но впотымах Вероника его не заметила, нечаянно толкнула, и оно с грохотом полетело в отверстый зев колодца. В замкнутом пространстве заметалось эхо, во дворе загудело, как на звоннице, где грянули разом все колокола.

– Чтоб те лопнуть! – проныла Вероника и принялась тянуть цепь, дополнив какофонию новыми нотами.

На шум и гром из замка вышла девушка лет восемнадцати. Обернувшись, Вероника увидела смутные очертания ее фигуры в чем-то похожем на просторный балахон. Сию же минуту в глаза ударил свет – девушка подняла над головой спиртовую лампу. Вероника изобразила на лице виноватую улыбку, стала скороговоркой объяснять, что не замыслила ничего дурного.

Девушка подошла к ней. Движения ее были такими сторожкими, что казалось, будто она готовится к схватке с ядовитой гадиной, однако взгляд ее был устремлен не столько на Веронику, сколько на колодец. Остановившись в двух шагах от чаши, она стала что-то недовольно выговаривать на непо-

нятном языке. На знатную особу она не походила, Вероника решила, что это, скорее всего, кто-то из прислуги графа. Поэтому перестала извиняться и отмахнулась, как от назойливой мухи:

– Да ну тебя! Ничего я такого не сделала. – И продолжила вытягивать цепь с болтающимся на конце наполненным ведром.

Вытянула, перехватила ведро за дужку, поставила на край чаши. Пододвинула ногой кувшин, чтобы сподручнее было перелить в него воду. Незнакомка в балахоне сорвалась на визг, тревожно замахала руками. Пламя в ее коптилке заколыхалось и запрыгало.

– Да что ты полошишься? – недоумевала Вероника. – Воды жалко, что ли?

Наклонила ведро. Оттуда свесился серебристый язык, нырнул в горлышко кувшина, звучно ударился о дно. В стороны полетели мелкие брызги. Девушка ойкнула, взвилась как ужаленная. Спирт из лампы выплеснулся и обжег ей руку.

– Экая ты! – пожурила ее Вероника. – И чего так перепугалась? Дай-ка холодненьким полью...

И прежде чем пострадавшая успела среагировать, Вероника плеснула ей из кувшина на обожженную кисть.

Нечеловеческий вопль огласил не только двор, но и все окрестные дебри. Девушка в балахоне повела себя так, словно ее руку окатили расплавленным оловом: выронила лампу

(та каким-то чудом не опрокинулась, упала на донце и продолжала гореть), затанцевала, как от нестерпимой боли, стала неистово тереть тыльную сторону ладони о свой балахон.

Вероника стояла дура душой, не понимала ничего. Заглянула в кувшин – может, с водой что не так? Сунула туда пальцы, обмакнула, поднесла к глазам, понюхала, полизала. Вода как вода, ключевая, вкусная.

Незнакомка меж тем блажила как заведенная. Вероника поставила кувшин, схватила ее за руку:

– Да что там у тебя? Покажи!

Взглянула и обмерла. На запястье и выше, вплоть до верхних пальцевых фаланг, расплзались багровые волдыри.

– Это что? – пролепетала Вероника. – Это ты спиртусом так?

Пострадавшая не отвечала, только всхлипывала. Вероника посмотрела ей в лицо, и стало совсем нехорошо. Девушка плакала, обильные слезы катились из ее глаз и оставляли на щеках красные полосы.

Для впечатлительной Вероники это было уже слишком. Позабыв про кувшин, она подобрала подол и что было духу помчалась к двери.

Ворвалась в замок и понеслась через зал-прихожую, скользя на отполированном полу. В темноте совалась то в один угол, то в другой, тщетно ища лестничный пролет. Внезапно слева мелькнул колеблющийся огонек. Вероника устремилась к нему как к спасительному маяку и увидела

спускавшегося по ступенькам старика, который нес витой канделябр с тремя свечами.

– Помогите! – вырвалось у Вероники.

Она даже не задумалась над тем, у кого просит помощи и в чем, собственно, эта помощь должна заключаться.

– Сударыня... – с легким удивлением проскрипел старик на почти правильном русском. – Вы дрожите... Вас кто-то обидел?

Вероника уже собиралась пасть к его ногам, но вовремя обратила внимание на руку, сжимавшую канделябр. Эта рука, покрытая старческими морщинами и выпуклыми нитями вен, была синей! Да-да, совершенно синей, еще и с фиолетовым оттенком. Такого же цвета было и лицо, окаймленное щетинистыми бакенбардами. И хоть глаза старика глядели по-доброму, сочувственно, Веронику сковал животный ужас. Припомнились рассказы барина о том, что где-то в просторах Вселенной живут разумные создания. Может быть, они похожи на земных людей, а может, и нет. Барин говорил, что кожа у них, к примеру, зеленая или синяя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.